

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.221.18

DOI: 10.17223/19986645/62/12

Е.Б. Дзапарова

ЗООСРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов, оригинальных и переводных (русский, осетинский), предпринимается попытка выявить наиболее оптимальные приемы передачи в художественном переводе зооморфных элементов в составе сравнительного оборота, прослеживаются соответствия и несоответствия в функционировании зоолексик в языках, вовлекаемых в переводческий процесс. В ходе исследования установлено, что в сопоставляемых языках ассоциативное поле зоонимической лексики в сравнительных конструкциях в большей степени совпадает.

Ключевые слова: зоонимическая лексика, сравнительный оборот, художественный перевод, оригинал, калькирование, аналог, эквивалент, семантика.

Зоонимическая лексика в последнее время часто становится объектом изучения специалистов в различных областях знания [1. С. 191; 2. С. 137–144]. Названия животных – зооморфная лексика, зоолексика, зооморфизмы, зоонимы – составляют существенный пласт лингвистического фонда любого языка. Под понятием «зооним» понимается как название животного (*собака, кошка, свинья*), так и имя животного, т.е. кличка (*Мурка* (кот), *Барсик* (собака), *Борька* (свинья) и т.д.). Анализ возможностей адекватной или неадекватной передачи зоонимов – названий животных – в составе сравнения при переводе художественного текста является предметом нашего исследования.

Пристальное внимание подобным лексическим единицам языка в составе устойчивых сочетаний слов (паремий, фразеологизмов (фразем), сравнительных оборотов, афоризмов, крылатых выражений) уделяется лингвистами и литературоведами [3. С. 256–265; 4. С. 87–90; 5. С. 117–126]. Немало работ посвящено сравнительно-сопоставительному анализу устойчивых единиц с зоонимическим компонентом при передаче их в другую языковую среду в рамках художественного перевода [6. С. 94–97; 7. С. 163–167; 8. С. 26–29; 9. С. 105–114; 10. С. 331–335]. В осетинском литературоведении впервые предпринята попытка рассмотреть способы передачи в художественном переводном тексте зоонимов, встречающихся в составе сравнительных оборотов, в переводческом аспекте изучается переход зоонимов из одной лингвокультуры в другую (русская → осетинская, осетинская → русская). Материалом для исследования послужили ориги-

нальные и переводные тексты русской и осетинской художественной литературы.

Использование зоонимов в составе устойчивых сравнений в художественном произведении явление частое. Для их передачи в другую культурную среду переводчики находят различные переводческие решения.

Сравнения как устойчивые единицы языка обладают достаточной национальной самобытностью того народа, которому принадлежат. Посредством использованного в составе оборота зоонима автор художественного произведения отражает различные качества человека (внешние и внутренние). Восприятия, связанные с тем или иным животным, могут совпадать и не совпадать в сопоставимых языках. При передаче зоонима из одной знаковой системы в другую переводчик должен, прежде всего, учитывать те ассоциации, которые связаны с ним в сознании носителя исходного языка и языка переводящего, а затем суметь передать не только образ, но и сведения о денотате, дефиниции, образно-экспрессивную функцию сравнительного оборота. Из-за недостаточного знания действительности, с которой связан переводной текст, из-за недостаточного владения фоновыми знаниями «могут быть допущены неправильности и неточности в переводе зооморфизмов, а это ведет к неполному восприятию той информации, которая содержится в тексте» [11. С. 202]. Так как у каждого народа свой менталитет, свои национально-культурные особенности, не всегда переводчику удастся найти полный (абсолютный) эквивалент. В таком случае он должен стремиться к адекватному воспроизведению мысли автора произведения, к нахождению в системе переводящего языка взаимозаменяемой по своей семантике единицы. Обратимся к сравнительно-сопоставительному анализу зоонимической лексики в разноязычных текстах для выявления способов отражения их в художественном переводе.

К рассматриваемым зоонимам мы относим названия домашних и диких животных, птиц, рыб, насекомых. Наиболее часто в рассматриваемых художественных текстах русской литературы встречаются сравнительные обороты с зоонимическим компонентом *птица* (от родового до видового понятия – *орел, ворон, крикун, утка, сова, курица, лунь*), *змея, кошка, волк, собака*. Реже для характеристики человека авторы анализируемых произведений используют в составе сравнительного оборота зоонимы *червь, теленок, свинья, овца, жаба, лягушка, олень, крокодил, муха, корова, верблюд, комар, клоп, медведь, суслик, рыба, лев*. В текстах осетинской литературы зооморфный код культуры в семантике сравнений частично совпадает с русскими и представлен чаще всего *собакой, волком, кошкой, птицей (орел, коршун, сокол, ворон, соловей, цыпленок, птенец, попугай, гусь, сова, павлин, воробей)*. Национальный колорит осетиноязычных отрывков репрезентирован анимальными образами *тура, ягненка, коровы, быка, голубя* и т.д. в составе сравнительных оборотов.

Для их передачи в художественном переводе используются различные переводческие трансформации, из которых **калькирование** – дословный перевод основных компонентов образной единицы – является доминирующим. Использование механического переноса образа оправданно, если в разноязыч-

ных текстах совпадает семантика, лежащая в основе зоонима, денотативная и коннотативная составляющие. Список примеров достаточно объемён, поэтому ограничимся лишь единичными примерами использования названия животного в сравнении или в составе сравнительного оборота.

Птица. *И вот он стал жить, вольный, как птица* [12. Т. 1. С. 342] – *Емае маргъау сæрибарæй цæрын байдыдта* (с осет. И, как птица, стал жить свободным) [13. С. 88].

Змея. *Девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла* [Там же. С. 340] – *чызгæн йæ хъæлæсæй арæмæ туг фæмæхсти, ныуулафæд, калмау æрбакъæдзтæ, æмæ амард* (у девушки из горла до небес начала течь кровь, вздохнула, извилась змеей и умерла) [13. С. 85]; *Лæппу, калмау, сусæгæй хæцы, дæхи дзы хъахъхъæн* (Мальчик, как змея, жалит тайком, береги себя от него) [14. Т. 1. С. 257] – *Мусса может кусаться и незаметно, как змея* [15. С. 185].

Кошка. *Когда ему нужна была женщина, он ластился ко мне котом...* [12. Т. 1. С. 347] – *Сылгоймаг-иу сæй куы хъуыд, уæд-иу мыл, гæдыйау, узæлыд* (Когда ему нужна была женщина, то он ко мне, как кошка, ластился) [13. С. 93]; *А сама она такая худая, гибкая, как кошка, горячая* [12. Т. 3. С. 11] – *...ус та къæсхуыр, гæдыйау цæрдæг, тæвд адæймаг* (...а женщина худая, быстрая, как кошка, горячий человек) [13. С. 118].

Волк. *И они насторожились, как волки...* [12. Т. 1. С. 356] – *...æмæ, бирæгътау, сраевдз кодтой сæхи...* (и, как волки, были они наготове) [13. С. 99]; *Бирæгъ йæхи уæрыккыл куыд ныццæва, афтæ йæм фæлæбурдон* (Набросился на него, как волк кидается на ягненка) [16. С. 224] – *а я... набросился, как волк на ягненка...* [17. С. 256].

Собака. *Ванечка, так этот добрый, как собака* [12. Т. 11. С. 374] – *Ванечка, уый у хæларзæрдæ, куыдзы хуызæн* (Ванечка, он добродушный, как собака) [13. С. 309]; *...старый Богдан все за ним следом ходил, как собака* [18. С. 124] – *...йæм Богдан касти, йæ фæстæ куыдзау цыди* (Богдан смотрел за ним, ходил за ним, как собака) [19. С. 35].

Червь. *...Как червяк, все извивался предо мной...* [12. Т. 1. С. 346] – *Уый дæр... уаллоны хуызæн уыд, мæ размæ къæдзтæ-мæдзтæ кодта* (Он тоже... похож был на червяка, передо мной извивался) [13. С. 87–88].

Теленок. *Он кипел и вздрагивал от оскорбления, нанесенного ему этим молоденьким теленком, которого он во время разговора с ним презирал...* [12. Т. 1. С. 366] – *«Челкаш йæхмидаг рафыхт, йæ фырмæстæй стъæлфæд, уыцы гоцо йæм йæ ныфс кæй бахаста...* (Челкаш вскипел, искрился от злости, как этот теленок осмелился его оскорбить) [13. С. 41].

Свинья. *Он смотрел, как сытая свинья* [12. Т. 1. С. 348] – *Уыцы панæн йæ цæсгом уыд нарст, фыдынд, йæ гуыбын та стыр, базы хуызæн, æфсæст хуыйау каст* (У этого пана лицо было толстое, уродливое, а живот – большой, как подушка, смотрел сытой свиньей) [13. С. 87–88].

Овца. *Вы только шли, шли, как стадо овец!* [12. Т. 1. С. 355] – *Сымах æрмæстдæр цыдыстут, цыдыстут фысфосы дзугау!* (Вы только шли, шли, как стадо овец) [13. С. 196].

Жаба. *А тучи разных мелочей житейских подобны грязи на его дороге и гнусным жабам на его пути* [12. Т. 5. С. 363] – *Алыг цъыфау сты йа цауаентыл царды лыстаг хабартта, йа фаендаджы фэйна фарсэй йае хафсытау уасынц* (Подобно глине на дороге, протекают его мелочи жизни, квакают как лягушки с обеих сторон его дороги) [13. С. 207].

Олень. *Положив ей голову в колени...* / *Дремлет парень, как олень усталый* [12. Т. 1. С. 27] – *Лаппу йын йа хъабысы йа буц сар / 'Рæвæрдта, фæллад сагау улæфы* (Юноша свою нежную голову ей на грудь / Положил, дышит, как уставший олень) [13. С. 227].

Муха. *Одинокие маленькие люди исчезают, точно мухи, пропадая во тьме* [12. Т. 7. С. 18] – *Иугай гыццыл адæймæгтæ цыдæр æрбавайыны, бындзыты хуызæн, æрбайсефынц мæйдары* (Поочередно маленькие люди куда-то пропадают, как мухи, исчезают во тьме) [13. С. 382].

Комар. *И люди всегда одни и те же, – они стали неразличимы, точно комары* [12. Т. 11. С. 281] – *афтæ фæзыны, цыма адæм дæр цууыл цутæ вайыны, – къогъотау сæ кæрæдзийæ нал равзардзына* (так кажется, что люди бывают одинаковые, – точно комары, их не отличишь друг от друга) [13. С. 291].

Верблюд. *Он здоров, как верблюд* [12. Т. 18. С. 203] – *Уый теуайау æнæниз у* (Он, как верблюд, здоров) [13. С. 330].

Клоп. *Он в меня, как клоп, впился* [12. Т. 6. С. 138] – *Хъæды сыстау мыл ныххæцыд* (Как лесная вошь, вцепился в меня) [13. С. 439].

Медведь. *Роман только ворчит про себя, как медведь* [18. С. 131] – *Роман йæхинымæр хъуыр-хъуыр кæны арсау* (Роман про себя ворчал подобно медведю) [19. С. 29].

Рыба. *...ды та гæмæл силоткайы хуызæн (...а ты как настороженная селедка)* [20. С. 341] – *ты сам, как сухая селедка* [21. С. 123].

Пчела. *Хъауы астауы фæзæй хъуысти уынаер, цыма дзы мин чыргæды мыдыбындзытæ рауагъдауыди æмæ уыдон дыв-дыв кодтой, уыйау* (С площади, в центре села, раздавался гул, как будто были выпущены пчелы из тысячи улей и слышалось их жужжание) [20. С. 350] – *С площади, в центре села, доносился какой-то гул, как будто строились тысячи пчелиных семей* [21. С. 109].

Тур. *Дзæбидыры лаппынау лаууы, рынчыны алыварс чи æрæмбырд, куы уыдонмæ скасы, куы та Годахмæ бакæсы* (Стоит, как детеныш тура, взглянет то на сидящих вокруг больного, то посмотрит на Годыха) [22. С. 410] – *...как детеныш тура, стоит и настороженно рассматривает то на тех, кто с ним рядом, то на деда* [17. С. 225].

Лошадь. *Пугачы машина, байраг бæхы фæстæ куыд уайа, афтæ згъордта сæ фæдыл* (Машина Пугача, как жеребенок следует за кобылой, так неслась за ними) [23. С. 285] – *Шофер Бексолтана Пугач на «Победе» жался к «ЗИМу», как жеребенок к кобыле* [17. С. 382].

Осленок / Ишачок. *Йе 'мбал дæр, къæлау йа мады фæдыл куыд джыртт-джыртт кæна, афтæ цыбыр къахдзæфтæй уади Муссæйы фæдыл* (Его друг тоже, как осленок бежит за матерью, маленькими шаг-

ками шел следом за Мусса) [14. Т. 1. С. 231] – *а рядом с ним, как уставший ишачок, понуро плетется Мацико* [15. С. 158].

Ягненок. *Ногзад уарыччытау-иу нæ йæ хъæбысы æрбакодта* (Как новорожденных ягнят, он прижал нас в своих объятиях) [14. Т. 1. С. 235] – *Он смеялся и подбрасывал нас вверх – легко, как новорожденных ягнят* [15. С. 162].

Мышь. *...ды та – маенауы мыстау тыппыр* (...а ты – толстый как мышь, объевшаяся пшеницей) [14. Т. 1. С. 121] – *...он – как полевая мышь раскормленный и сильный* [15. С. 148].

Сова. *Талынджы дæр уыггæй уæлдай нæу* (И в темноте он подобен сове) [14. Т. 1. С. 277] – *Он ведь и в темноте все видит, как сова* [15. С. 206].

В приведенных примерах обозначения животных в сравнительных оборотах текста оригинала совпадают с их обозначениями в переводящем языке. Переводчикам удалось воспроизвести не только лексический состав передаваемой единицы, но и семантику образа; в сравнительных оборотах совпадает ассоциативное поле зоонимов. Через образ животного в переводах отражены положительные / отрицательные качества человека: вольность, стремление к свободе, быстрота (птица), молодость, неопытность (теленки), гибкость, лживость (змея, кошка), агрессивность, неуклюжесть (волк), дерзость (щенок), доброта, преданность (собака), ворчливость (медведь), худоба (селетка) и др. Умение выявить смысловые сходства зоообразов помогло переводчикам подобрать в языке перевода полные эквиваленты и обеспечить адекватное восприятие реципиентом передаваемой информации.

Функционирование образов в русских и осетинских текстах не всегда может быть оправданно дословной передачей. Примером неудачного использования калькирования может послужить перевод сравнительного оборота, в составе которого М.Ю. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени» использован русский национальный символ *Соловей-Разбойник*: *...ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник...* [24. С. 477]. Имя популярного сказочного героя в переводе на осетинский язык звучит как *Буламергъ-Абырагъ*: *...дымгæ, камттæм бырсгæ, абугъта, къуыззитт кодта Буламергъ-Абырагджы хуызæн...* (...ветер, вламываясь в ущелья, бушевал, свистел, как Соловей-разбойник...) [25. С. 35]. Имя-символ, понятное только русскому читателю, в переводе передается дословно. Но калькирование исходного денотата в составе сравнительной конструкции привело к непониманию реципиентом образа зооантропоморфного персонажа (чудовища) русского фольклора, к утрате стилистического своеобразие отрывка. Переводчику вполне можно было ограничиться описательным способом передачи смысла, лежащего в основе оборота. В крайнем случае автор перевода мог заменить исходный образ аналогичным *Соловью-Разбойнику* по характерным признакам (проявляет атрибуты птицы и змеи: шипит по-змеиному, свистит по-птичьи) химерическим образом *страшной птицы*, встречающимся в осетинских волшебных сказках [26. С. 27]. Буквальный перевод на осетинский язык сравнения привел к непониманию реципиентом смысла целого. Переводчик стремил-

ся сохранить, прежде всего, языковую структуру выражения, а не передать семантику образа в его основе. По мнению И.И. Фролова, «лишь глубокое знание культурных стереотипов в языке, на который осуществляется перевод, поможет переводчику найти эквивалент, с большей или меньшей точностью передающий прагматические коннотации, заложенный в исходном языке» [27. С. 268].

Попытка механического переноса в русский текст осетинских пословиц / поговорок со значением сравнения требовала от переводчика определенного пояснения смысла устойчивых единиц или сопровождения их комментарием. Так, русский перевод осетинской поговорки *Кæд ды рувас – æз дæ къæдзил* (дословно с осет. Если ты лиса, то я – твой хвост; в значении: «Если ты хитрый, то я хитрее») [14. Т. 1. С. 135] – *Хитришь, юлишь, как лиса... Давай поиграем, будто ты лиса, а я ее хвост!* [15. С. 226] не передал основное значение образного выражения. В переводном отрывке исчезли краткость обозначения, экспрессивность поговорки.

Замена образа в сравнении или в составе сравнительного оборота. Различия в языковой картине мира двух сопоставляемых языков не всегда давали возможность делать дословный перевод, и при переводе единиц с зооморфным компонентом переводчики нередко использовали единицу, построенную на основе другого образа, но смысл целого при этом не менялся. Приведем примеры из русской литературы: *Он придет и посвистит тихо, как суслик...* [12. Т. 1. С. 344] – *Нæ размæ-у æрбацъд æмæ-у, цъырицъырагъу бацъыр-цъыр кодта...* (Пришел навстречу и стрекотал, как кузнечик) [13. С. 85]; *...до нее играл с девушками, как кричит с утками* [12. Т. 1. С. 19] – *ныры онг, хъæрцигъа бабызтæй куыд хъазы, афтæ чызджытæй чи хъазыди...* (...до сих пор играл с девушками, как ястреб играет с утками) [13. С. 25] (кричит и утка → ястреб и утка). Устойчивые выражения, построенные на иной словесно-образной основе, не сохранили в переводе свое денотативное значение, но передали коннотативный оттенок фрагментов в оригинале.

Переводчикам осетиноязычных текстов также часто приходилось искать образные выражения, совпадающие по смыслу, но на основе другого образа: *Цæргæсау-у ыл йæхи ныццафта* (Как орел, бросился на него) [14. Т. 1. С. 232] – *...как коршун бросился на охранников* (орел → коршун) [15. С. 160]; *хъуыдытæ, зæрнаджытау, фæпырх сты* (мысли, как журавли, исчезли) [28. С. 73] – *мысли упорхнули, как воробьи* (журавли → воробьи) [29. С. 81]; *цæргæсау кодта тæхгæ* (летал, как орел) [28. С. 12] – *бежал, как страус* [29. С. 20] (орел → страус) и т.д. Использование названия конкретного вида животного взамен родового понятия в выражении *йæ хъуыдытæ тарст цъиутау фæпырх сты* (его мысли исчезли, как испуганные птицы) [30. С. 17] – *мысли Фаризат разлетелись, как перепуганная воробынная стая...* [18. С. 339] (птица → воробей) практически не меняет семантическую структуру образной единицы. Но нередко с заменой зоонима в составе оборота на другой образ меняется семантика сравнительного оборота в целом, а два образа могут нести разную смысловую нагрузку в

тексте. Так, с подменой образа в выражении *Конец твоей кошкиной жизни!* [12. Т. 18. С. 235] – *Кæрон æрцыд дæ рувас цардæн* (Пришел конец твоей лисьей жизни) [13. С. 366] (кошка → лиса) меняется смысловое поле аутентичного текста. «Кошка» несет в оригинальном отрывке ассоциацию довольной, сытой и благополучной жизни, использование же зоонима «лиса» в этом случае придает переводу негативный смысл. «Лиса» в переводном тексте выступает как символ хитрости, обмана и коварства.

Опущение в переводе сравнения / сравнительного оборота и зоообраза в его составе. Одной из важнейших задач, стоящих перед переводчиком, является не только передача смысла, но и сохранение в переводе художественно-эстетического воздействия оригинала на реципиента. Поэтому игнорирование образных единиц меняет не только структуру отрывка, прагматику текста в целом, но в некоторых случаях влияет и на смысловое наполнение исходного текста. Приведем примеры, в которых переводчики опускают сравнение / сравнительный оборот или передают общий смысл образной единицы: *Луна освещала... сморщенный нос, загнутый, словно клюв совы* [12. Т. 1. С. 344] – *Мæй йын каст... йæ гуыбыр æнцъылдæ фындзмæ...* (Луна смотрела... на его согнутый морщинистый нос...) [13. С. 84]; *Файнардам тæрхъусты лыгъд фæкодтой* (Разбежались по сторонам, как зайцы) [14. Т. 1. С. 291] – *Неужели они испугались?* [15. С. 221]; *Бæхмæ уарийау стахт* (Взлетел на лошадь, как сокол) [14. Т. 1. С. 259] – *...легко вспрыгнул на лошадь* [15. С. 186]; *Уæлдæфы гæлæбутау ферттывттой цугай гæбынатæ* (В воздухе, как бабочки, заблестели одинокие снежинки) [14. Т. 1. С. 225] – *Но вдруг в воздухе заблестели снежинки* [15. С. 151].

В некоторых единицах перевода национально-культурная самобытность выражается наиболее ярко и поэтому «создает значительные трудности для понимания и для уместного использования зооморфизмов в процессе межкультурной коммуникации» [31. С. 487]. Отказ от передачи сравнения / сравнительного оборота у переводчиков нередко был намеренным, так как перенесение устойчивой единицы с анимальным элементом в переводной текст у представителя иной культуры могло привести к непониманию образа, а в конечном счете и смысла. Например: *Цыма йæ род йæ гуыбыны æрбамард, æваст уый хуызæн фæци* (с осет. Как будто ее теленок в утробе умер, внезапно впал в такое состояние; в значении: «быть скучным», «быть грустным», «тосковать», «печалиться», «молчать», «быть немногословным») [14. Т. 1. С. 286] – *Вася так расстроился* [15. С. 216]. Приведем пример из русского текста: *Нечто львиное, огневое было в его сжатой в ком мускулов фигуре* [12. Т. 3. С. 24] – *Уый æдзынæг касты æмæ артау сыгъд* (Он пристально смотрел и пылал, как огонь) [13. С. 131]; *Вот он придет, возьмется за работу и месяца три-четыре учтет ломить, как медведь!* [12. Т. 3. С. 7] – *Мæнæ æрбацаудзæн, йæ куысты сæр æрлаудзæн, æртæ-цыппар мæйы бакусдзæн* (Вот придет, возьмется за свою работу, три-четыре месяца поработает) [13. С. 113]. В русских текстах сравнения с животными используются для выражения небывалой силы, трудоспособ-

ности человека. В осетинских переводах вместе с образом проигнорирован и связанный с ним смысл.

Ввод зоонимического образа, отсутствующего в оригинале, – один из способов переводчика адаптировать переводной текст, что обеспечивает его адекватное понимание в принимающей среде. При этом у переводчиков осетиноязычных текстов при переводе наблюдается меньше импровизации, нежели у переводчиков с русского языка на осетинский. Например: *...жадными глазами, провожая...* [12. Т. 1. С. 384] – **Гæды фиумæ куд кæса, уый каст кодта** [13. С. 68] (Смотрит, как кошка смотрит на сало); *И они пошли по улице рядом друг с другом, Челкаш – с важной миной хозяйина, покручивая усы, парень – с выражением* **полной готовности подчиниться** [12. Т. 1. С. 367] – *Челкаш барджын лæджы цыд кодта, йæ рихитæ здухгæйæ, лæппу та, идадзæй ласгæ бæхы хуызæн, коммæггæсæджы цыд* [13. С. 42] (Челкаш шел как властелин, крутя свои усы, а юноша шел покорно, словно лошадь, которую тянут на поводке); *Мусса тæвд къæйыл кафæгау скафыд* [14. Т. 1. С. 256] (Мусса заплясал, как будто плясал на горячей плите) – *С Мусса произошло что-то странное – он завертелся на месте, как собака, которая ловит себя за хвост* [15. С. 152]. Как легко заметить, переводчики, употребив зоонимы в составе сравнительных конструкций с ярко выраженной национальной спецификой, сохраняют смысл предложений, а отрывкам придают дополнительную образность, определенный стилистический эффект.

Таким образом, в ходе исследования установлены наиболее оптимальные решения при передаче зоонимов в художественном переводе. Выбор того или иного способа перевода сравнительных конструкций с зоонимическим элементом зависел от их семантики, стилистической характеристики, культурно-национальных особенностей того народа, с языка которого осуществлялся перевод. При совпадении в разноразличных культурах образа животного и связанных с ним качеств и свойств переводчики использовали механический перенос. Частичное несоответствие наблюдается при замене в сравнении / сравнительном обороте зоонима, но сохранении заложенного в нем смысла. Вследствие вероятности непонимания реципиентом семантики образа переводчики вынуждены были опускать в переводе и зооним, и сравнительный оборот в целом. С вводом в переводной текст отсутствующих в оригинале сравнений / сравнительных оборотов с зоонимическим компонентом происходит некоторая адаптация текста к новому адресату.

Литература

1. Сокаева Д.В. Зооморфный символизм в осетинском фольклоре (легенды и предания) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]. Оренбург, 2009. С. 191.
2. Таказов Ф.М. Зооморфные маркеры мировой оси в осетинской мифологии // Нартоведение на рубеже XX–XXI вв. 2012. № 1. С. 137–144.
3. Дзапарова Е.Б. Способы достижения эквивалентности паремий в процессе художественного перевода // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. № 10. С. 256–265.

4. *Дзапарова Е.Б.* Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 6-2 (24). С. 87–90.

5. *Дзапарова Е.Б.* Передача сравнительных конструкций оригинала на язык перевода: специфика переводческих стратегий // *Известия СОИГСИ.* 2016. № 20 (59). С. 117–126.

6. *Бойко Л.Г.* Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2008. № 5. С. 94–97.

7. *Пехтерева М.С.* Перевод английских фразеологизмов с зооморфными компонентом «dog» на русский язык // *Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: материалы II Международной научно-практической конференции молодых исследователей.* М., 2014. С. 163–167.

8. *Хорошавина А.Г., Валеева Р.Д.* Устойчивые выражения, содержащие зоонимы, в испанском языке как переводческая трудность // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2014. № 4. С. 26–29.

9. *Литвин Ф.А.* Общее и национально-специфическое в семантике и функционировании зоонимов-характеристик (на материале параллельных текстов) // *Сибирский филологический журнал.* 2015. № 2. С. 105–114.

10. *Улюкова Д.В.* О трудностях перевода зооморфных фразеологизмов в немецком языке // *Вопросы филологии и переводоведения : сб. науч. ст. Чебоксары,* 2015. С. 331–335.

11. *Толстая А.Л., Мчедлидзе Д.Ю.* О проблеме перевода зооморфизмов в русской и немецкой фольклористике // *Молодежь и XXI век : материалы IV Международной молодежной научной конференции / отв. ред: А.А. Горохов. Курск, 2012. Т. 2. С. 199–203.*

12. *Горький М.* Собрание сочинений : в 30 т. М. : Худож. лит., 1949–1955.

13. *Горький А.М.* Равзæрст уацмыстæ = Избранные произведения / сост. З.Х. Тедтгоева, Е.Б. Дзапарова. Владикавказ : СОИГСИ, 2016. 485 с.

14. *Цæггараты М.* Сау хохы фиййау : повесть // *Равзæрст уацмыстæ. Дыууæ томæй. 1-аг Т. Орджоникидзе, 1975. Ф. 213–318.*

15. *Цагараев М.* Пастух Черной горы / пер. М. Блинковой // *Цагараев М. Осетинская быль : повести и рассказы. М., 1965. С. 143–246.*

16. *Токаты А.* Оксанæ // *Токаты А. Хæхты. Дзæуджыхъæу, 1981. С. 219–234.*

17. *Антология осетинской прозы.* Орджоникидзе, 1983. 642 с.

18. *Короленко В.Г.* Лес шумит // *Короленко В.Г. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1950. С. 114–134.*

19. *Короленко В.Г.* Рассказы / пер. на осет. яз. У. Богазова. Дзауджикау, 1954. С. 22–45.

20. *Коцойты А.* Джанаспи : повесть // *Коцойты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1991. Ф. 319–408.*

21. *Коцоев А.* Джанаспи : повесть / пер. с осет. В. Шкловского // *Избранные рассказы. М., 1952. С. 94–147.*

22. *Мамсыраты Д.* Годахы мæлæт // *Мамсыраты Д. Царды къæпхæнтыл : роман, радзырдтæ. Дзæуджыхъæу, 1988. С. 405–411.*

23. *Æгъуызарты Æ.* Куырды фырт. Дзæуджыхъæу : Ир, 1995. 526 ф.

24. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // *Сочинения : в 2 т. / сост. и коммент. И.С. Чистовой. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 455–589.*

25. *Лермонтов М.Ю.* Мах растæджы сгухыт лæг = Герой нашего времени. Дзæуджыхъæу, 1951. 151 ф.

26. *Сокаева Д.В.* Указатель осетинских волшебных сказок (по системе Аарне-Андреева). Владикавказ, 2004. 106 с.

27. *Фролова И.И.* Зооморфные метафоры в романе Г. Белля «Глазами клоуна» и их перевод на русский язык // *Ученые записки Казанского государственного университета.* 2008. Т. 150, кн. 2. С. 267–273.

28. Булкаты М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Цхинвал : Ирыстон, 1988. 279 ф.
29. Булкаты М. Седьмой поход Сослана Нарты / пер. с осет. М. : Сов. писатель, 1989. 280 с.
30. Бозазты У. Даргъ бон // Бозазты У. Урс доньы быллыл сау фæрдыг. Радзырдтæ. Дзæуджыхъæу, 1991. С. 15–23.
31. Цунся Юй. Зоонимы как средство оценочной характеристики человека в русском и китайском языках // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 487–490.

Zoonymic Elements of Similes and Methods of Their Literary Translation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 173–184. DOI: 10.17223/19986645/62/12

Elizaveta B. Dzaparova, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, Branch of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: l-dzaparova@mail.ru

Keywords: zoonym, simile, literary translation, Ossetian literature, Russian literature, original, calque, analogue, equivalent, semantics.

The article aims to compare multilingual texts, original and translated (in Russian and Ossetian), to identify the most optimal methods of literary translation of zoomorphic elements, to reveal the similarities and inconsistencies in zoonyms' functioning in the languages involved in the translation. The study concludes that the associative fields of zoonyms in similes in the given languages overlap. If the semantic field of the image coincides in both languages, the translator finds an identical zoonym and mechanically reproduces it in the translation. Calquing of the image in the translated text is the prevailing transformation used to translate a zoonym in a simile. In the texts of Russian and Ossetian literature under analysis, similes with images of a snake, a cat, a wolf, a dog, a worm, a calf, a pig, a sheep, a toad, a frog, a deer, a crocodile, a fly, a camel, a mosquito, a bug, a bear, a fish, a bee, a tur, a horse (mare), a donkey (ass), a lamb, a mouse, an owl are translated literally. The image of birds (the generic term) is the same in both texts (original and translated). Different species of birds could be replaced in translation, for example, a gyrfalcon by a hawk, an eagle by a kite, a crane by a sparrow, an eagle by an ostrich. A partial equivalence in translating zoonyms is observed in selecting the semantic counterpart in the language of translation. To reproduce the meaning of a set phrase, the translators used a similar image. The replacement of the image in a simile or in a comparative construction does not always provide an adequate translation of its semantics. Sometimes the image introduced to replace the original in the culture of the language of translation has opposite associations. One of the transformations used to translate similes with the zoonymic component is omission of a set comparative structure as a whole or translation of its meaning only. Ignoring the image is justifiable if the national and cultural identity is expressed most clearly in the translated set units with zoonyms, and representatives of the other culture could thus misunderstand the image, and, ultimately, the general meaning. To make the text rich and expressive, to charge it with a certain stylistic effect, the translators sometimes intentionally introduce similes and comparative structures with zoonymic components into the translated text. The translators also use their own original stylistic means (similes or comparative structures), expressing the national and cultural features of the target audience, which provides an adequate understanding of relevant passages in the new environment.

References

1. Sokaeva, D.V. (2009) [Zoomorphic symbolism in Ossetian folklore (legends and fables)]. *Proceedings of the VIII Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia*. Orenburg. 1–5 July 2009. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.

2. Takazov, F.M. (2012) Zoomorfnye markery mirovoy osi v osetinskoj mifologii [Zoomorphic markers of the world axis in Ossetian mythology]. *Nartovedenie na rubezhe XX–XXI vv.* 1. pp. 137–144.
3. Dzaparova, E.B. (2013) Sposoby dostizheniya ekvivalentnosti paremiy v protsesse khudozhestvennogo perevoda [Ways to achieve equivalence of paremias in the process of literary translation]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh.* 10. pp. 256–265.
4. Dzaparova, E.B. (2013) Features of phraseological units utterance in literary translation with strong national specificity. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 6-2 (24). pp. 87–90. (In Russian).
5. Dzaparova, E.B. (2016) Peredacha sravnitel'nykh konstruktsey originala na yazyk perevoda: spetsifika perevodcheskikh strategiy [Transfer of comparative constructions of the original to the language of translation: specifics of translation strategies]. *Izvestiya SOIGSI.* 20 (59). pp. 117–126.
6. Boyko, L.G. (2008) Zoomorfnyy kod kul'tury v semantike ustoychivyykh sravneniy [Zoomorphic code of culture in the semantics of stable comparisons]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 5. pp. 94–97.
7. Pekhtereva, M.S. (2014) [Translation of English phraseological units with zoomorphic component “dog” into Russian]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvistiki* [Theoretical and applied aspects of linguistics]. Proceedings of the II International Conference. Moscow. 8–9 April 2014. Moscow: Sholokhov Moscow State University for Humanities. pp. 163–167. (In Russian).
8. Khoroshavina, A.G. & Valeeva, R.D. (2014) Set expressions containing zoonyms in Spanish language as a translation difficulty. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal.* 4. pp. 26–29. (In Russian).
9. Litvin, F.A. (2015) Semantics and syntax of zoonyms (words denoting animals) used for characterisation: the common and the nationally-specific (analyzing parallel texts). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology.* 2. pp. 105–114. (In Russian).
10. Ulyukova, D.V. (2015) O trudnostyakh perevoda zoomorfnykh frazeologizmov v nemetskom yazyke [On the difficulties of translating zoomorphic phraseological units in the German language]. In: Kormilina, N.V. & Shugayeva, N.Yu. (eds) *Voprosy filologii i perevodovedeniya* [Issues of Philology and Translation Studies]. Cheboksary: I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. pp. 331–335.
11. Tolstaya, A.L. & Mchedlidze, D.Yu. (2012) On the problem of translation of zoomorphisms in Russian and German folklore. *Molodezh' i XXI vek* [Youth and the 21st Century]. Vol. 2. Proceedings of the IV International Youth Conference. Kursk. 23–25 April 2012. Kursk: South-West State University. pp. 199–203. (In Russian).
12. Gor'kiy, M. (1949–1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Gor'kiy, A.M. (2016) *Ravzærst uatsmystæ* [Selected Works]. Translated from Russian. Vladikavkaz: V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies.
14. Tsægäraty, M. (1975) *Ravzærst uatsmystæ* [Selected Works]. Vol. 1. Ordzhonikidze: Ir. pp. 213–318.
15. Tsagaraev, M. (1965) *Osetinskaya byl': povesti i rasskazy* [Ossetian True Stories: Short novels and short stories]. Translated from Ossetian. Moscow. pp. 143–246.
16. Tokaty, A. (1981) *Khækhty* [In the Mountains]. Dzauzhikau: Ir. pp. 219–234.
17. Khetagurov, K.L. & Totrov, R. Kh. (eds) (1983) *Antologiya osetinskoj prozy* [Anthology of Ossetian prose]. Ordzhonikidze: Ir.
18. Korolenko, V.G. (1950) *Povesti i rasskazy* [Short Novels and Short Stories]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 114–134.
19. Korolenko, V.G. (1954) *Rasskazy* [Short Stories]. Translated from Russian by U. Bogazov. Dzauzhikau: Ir. pp. 22–45.
20. Kotsoyty, A. (1991) *Uatsmystæ* [Works]. Dzauzhikau: Ir. pp. 319–408.

21. Kotsoev, A. (1952) *Izbrannyye rasskazy* [Selected Short Stories]. Translated from Ossetian. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 94–147.
22. Mamsyraty, D. (1988) *Tsardy k'æpkhæntyl* [On the steps of life]. Dzaudzhikau: Ir. pp. 405–411.
23. Æg'uyzarty Æ. (1995) *Kuyrды fyrт* [Blacksmith's Son]. Dzaudzhikau: Ir.
24. Lermontov, M.Yu. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 455–589.
25. Lermontov, M.Yu. (1951) *Makh ræstædzhy sguykht læg* [A Hero of Our Time]. Translated from Russian. Dzaudzhikau: Ir.
26. Sokaeva, D. V. (2004) *Ukazatel' osetinskikh volshebnykh skazok (po sisteme Aarne-Andreeva)* [Index of Ossetian Fairy Tales (according to the Aarne-Andreev system)]. Vladikavkaz: North Ossetian State University.
27. Frolova, I.I. (2008) Zoomorfnye metafory v romane G. Bellya “Glazami klouna” i ikh perevod na russkiy yazyk [Zoomorphic metaphors in the novel “The Clown” by H. Böll and their translation into Russian]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 150 (2). pp. 267–273.
28. Bulkaty, M. (1988) *Narty Soslany ævdæm balts* [The seventh campaign of Soslan Narty]. Tskhinval: Iryston.
29. Bulkaty, M. (1989) *Sed'moy pokhod Soslana Narty* [The seventh campaign of Soslan Narty]. Translated from Ossetian. Moscow: Sovetsky pisatel'.
30. Bogazty, U. (1991) *Urs dony bylъl sau færdyg. Radzyrdtæ* [Urs dony bylъl sau færdyg. Short Stories]. Dzaudzhikau: Ir. pp. 15–23.
31. Tsunsyao, Yuy. (2007) Zoonimy kak sredstvo otsenochnoy kharakteristiki cheloveka v russkom i kitayskom yazykakh [Zoonyms as a means of evaluating a person's characteristics in Russian and Chinese]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurislingvistika-8: Russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo* [Jurislinguistics-8: Russian language and modern Russian law]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 487–490.